

Рецензии

Доктор Рутеншиц = шинцрутен. Bravo!
Тольда — название одного из славянских племён (на терр. Смоленщины и Белоруссии). Доебьево — это под Пинском, в Белоруссии. Прототип Тольджика — отец писателя!!
Иаков (древнеевр.) — „пятка“, так называли второго из двух близнецов. Понятие двойника заложено в самом имени Петровиц — ибо он дитя Петра, сын петровской табели о рангах.

Рецензия

Рецензия на книгу Назиров, Р. Г. Неизданные труды о романе «Преступление и наказание»

Г. С. Прохоров

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Книга продолжает традицию посмертных публикаций работ Ромэна Гафановича Назирова, которая уже вызвала к жизни выпуск «Назировского сборника», журнала «Назировский архив», а также монографий «Становление мифов и их историческая жизнь», «Творчество Достоевского. Проблематика и поэтика», «Эффект подлинности». . . Такое внимание к наследию ученого более чем оправданно. С одной стороны, статусный и признанный исследователь — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой; с другой — не введенный в научный оборот ученый, у которого при жизни была опубликована лишь одна монография — «Творческие принципы Достоевского» (1982). Основное наследие осталось «в столе» — оно-то и выходит в последнее время — десятилетия, если не полвека спустя, после создания.

Настоящая подборка материалов посвящена «Преступлению и наказанию» — быть может, самому известному в мире роману Достоевского. Материалы разновременные, хотя и принадлежат к одной эпохе 1960-х — начала 1970-х гг. Хотя писатель никогда не был запрещенным, а в Москве действовал посвященный ему музей, но не был Достоевский и одобряемым, покровительствуемым советскими властями. Ситуация несколько улучшилась в конце 1960-х гг., в школьной программе появился роман «Преступление и наказание». И показательна попытка Романа Гафаровича наметить контуры изучения этого произведения в школе — рассказать учителям и школьникам о сердцевинных проблемах поэтики Достоевского: сильной и весьма самостоятельной позиции героя, двойничестве, отсутствии проговоренных решений и «готовых» истин («Загадка Свидригайлова»). Попытка окажется показательно неудачной — статью отвергнет редакция «Литературы в школе» с формулировкой «. . . оставлены в основном в стороне общественно-политические вопросы романа. . . » (с. 7). Вопросы поэтики оказались менее значимыми, нежели правильная политическая оценка.

Кроме поэтики, автор статьи решил показать школьникам науку о Достоевском хотя и в советском колени, но во всемирном звучании. Разговор ведется в полемическом диалоге с англичанином Миддлтоном Марри, а официальное отталкивание, то тут то там оборачивается переключками. Слышен в этой статье и иной голос, русский, но в те годы

еще не прорвавшийся на авансцену — Михаил Бахтин. Его Р. Г. Назиров упоминает в своих ранних материалах крайне редко (с. 43), но созданный текст прочерчивает средство:

Слишком частое и поверхностное употребление термина «двойник» в нашем литературоведении отучило многих из нас задумываться над реальным содержанием этого понятия в мире Достоевского. Двойников стали рассматривать как отражение идеи главного героя без особого самостоятельного значения. Между тем, Достоевский изображал людей, совершенно оригинальных и выпуклых, несмотря на их «двойничество». Свидригайлов — двойник Раскольникова. В то же время он выступает в романе на равных правах с героем... (с. 116)

Сильная и авторитетная позиция героя; герой, не являющийся прямой проекцией авторской идеи («Достоевский изображал людей, совершенно оригинальных...») — всё это существенное пересечение с Бахтиным. Естественно, отношения исследователей не были абсолютным согласием (см. более позднюю работу Назирова — «Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (К концепции полифонического романа)»). Впрочем, для диалога в бахтинском смысле слова единомыслие и не требуется — наоборот, оно было бы смертельно.

Опубликованные статьи — прежде всего факт научной истории. Одновременно — необычайно полезная в работе со студентами подборка, демонстрирующая не столько «как сделано “Преступление и наказание” Достоевского», но «как читать и осмысливать этот роман».

И тут появляется примечательная проблема, вызванная значимой временной дистанцией между временем создания и публикации материалов Р. Г. Назирова. Кто читатель публикуемых материалов? Если исходить из подбора материалов и логики подобных изданий, — отнюдь не старшее поколение исследователей. Но насколько язык статей прозрачен для младшего поколения? Насколько оно ориентируется в советских реалиях и умеет читать между строк?

«Образ подпольного человека есть парадоксальное соединение социально-психологической ситуации разочаровавшегося шестидесятника с идеологией свободы воли и эстетизированного морального бунта — идеологией позднего романтизма» (с. 23)

Сквозь штампы советского социологизма и строгой отражательности искусства по отношению к базису, скользит нетривиальная мысль, что Романтизм не заканчивается с первыми лучами Реализма, а продолжается в нем... Что разочаровавшийся шестидесятник XIX века воспитан на культуре Романтизма и этот опыт не стираем до конца. Искусство не живет изолированными друг от друга стадиями.

Или другой пример:

«Самоутверждение Раскольникова сливается с гуманистической задачей — с открытием пути к победе добра над злом. Итак, бунт Раскольникова по своим целям является гуманным и оправданным» (с. 27). Оправданным и гуманным? — речь, между тем, идет ни о чем ином, как о двойном убийстве... В этой ранней статье Ромэн Гафарович так и не признает Раскольникова виновным — в отличие от Сони или от самого героя. «Добро должно быть с кулаками», «Революцию в белых перчатках не делают» — видение человека, переживше-

го самые трагические страницы истории XX века — сталинизм, Большой террор, Вторую мировую войну. . .

Составители дали слово Ромэну Гафановичу; но слово это все-таки нуждается в пояснениях и комментариях, чтобы оставаться живым и говорящим сейчас — пятьдесят лет спустя. Было бы желательно вскрыть стоящий за текстами социо-культурный контекст. Если говорить о приведенном, то можно было бы провести параллели с судами над Раскольниковым — весьма «модным» жанре для советского преподавания «Преступления и наказания». Провести параллели к трактовкам этого образа в 1950–70-х гг.

Статья дебатировалась в редакции «Литературы в школе» — сохранились ли в архиве журнала материалы обсуждений? Можно было не ограничиваться указанием на судьбу статьи, но продемонстрировать, чем именно вызван отказ. Нечто подобное было сделано при подготовке диссертации Бахтина, которую в 6-томном издании сопровождают материалы обсуждения в Высшей аттестационной комиссии.)

Отказ от комментария — самое странное решение, с которым встречается читатель. Удивительно, что с 1980-х гг. мы вытаскиваем из исследовательских столов работы М. М. Бахтина, О. М. Фрейденберг, С. А. Аскольдова, В. Л. Комаровича. . . И все издания обильно прокомментированы. Принципы издания, выработанные при подготовке «Собрания сочинений» Бахтина или «Поэтики сюжета и жанра», «Мифа и литературы древности» Фрейденберг, стоило бы положить в основу подготовки материалов Р. Г. Назирова. Желателен и комментарий, проясняющий научные контексты.

Опубликованные тексты прежде всего интересны с научно-исторической точки зрения. Но они сохраняют актуальность, будучи образцами честного и филигранного анализа текста: скрупулезной работой с черновыми редакциями, интерпретацией героев как явленных в движении авторского замысла (с. 106–107); вниманием к историко-культурному контексту (с. 9–24); чуткостью к «слову» — той самой материи, которая образует художественный текст. «Чего-нибудь *нового*» — это сказал Раскольников. «Чего-нибудь *новенького*» — как эхо, повторил Свидригайлов (с. 115–116). Внимательность к тексту открывает Ромэну Гафановичу смысловые аспекты, обычно извлекаемые при помощи нарратологии, дискуртологии, деконструкции — неизвестных ему в то время методологий. . .

